

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В О Е Н Н Ы Й
ВЕСТНИК № 1

ПАРАДОКСЫ РОССИЙСКОЙ ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ

Москва
Апрель 1998

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В О Е Н Н Ы Й
ВЕСТНИК № 1

ПАРАДОКСЫ РОССИЙСКОЙ ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ

Москва
Апрель 1998 г.

Предисловие

В феврале 1997 г. группа экспертов по оборонным вопросам опубликовала заявление о положении в российской оборонной сфере, охарактеризовав его как "свершившуюся катастрофу вооруженных сил, которая перерастет в катастрофу общенациональную уже в ближайшее время, если, наконец, общество и государство ответственно и консолидированно не приступят к предотвращению этой надвигающейся угрозы." (Независимая газета, 14 февраля 1997 г., "Нынешнее положение российской армии как надвигающаяся общенациональная катастрофа. Заявление Совета по внешней и оборонной политике").

Прошедший год лишь подтвердил правильность оценок и выводов авторов заявления. Углубляющийся под аккомпанемент разговоров о военной реформе кризис в армии и продолжающийся развал ВПК вынуждают нас вновь обратиться к анализу причин надвигающейся катастрофы и возможных путей ее предотвращения и выхода из кризиса.

Некоммерческая организация "Межрегиональный фонд информационных технологий" начинает выпуск "оборонного" приложения к "Вестнику МФИТ". К сотрудничеству в подготовке материалов приложения МФИТ намерен пригласить некоторых из авторов вышеприведенного заявления. Начать мы предполагаем с честного описания нынешнего положения российских вооруженных сил и оборонной системы в целом по следующему тематическому плану:

1. Главная цель военной реформы в России
2. Опасности непродуманного реформирования армии в ядерной стране
3. Эффективность гражданского контроля над ВС в России (как сделать эффективным гражданский контроль над вооруженными структурами России?)
4. Возможна ли "профессиональная" армия в России?
5. Отсутствие кадровых сержантов в российской армии – уникальное явление в мировой военной практике
6. Военный бюджет: сколько стоит армия экономике по бюджету и в реальности
7. Жилищная программа Президента РФ: Бездонная бочка, или сколько офицеров нужно российской армии
8. Оптимальная доля расходов на закупки вооружений сейчас и в идеале

9. Существующая мобилизационная подготовка промышленности, как тормоз реформы ВПК
10. Необходимость создания гражданского Министерства обороны
11. С чего начинать военную реформу без дополнительных бюджетных затрат?

Настоятельная необходимость вовлечения людей, осознающих свою ответственность за судьбы России, в обсуждение проблем обороны диктуется, на наш взгляд, прежде всего историческими особенностями развития России. Уже дважды в российской истории – в 1917 г. и в 1991 г. – Россия утрачивала свою территориальную целостность прежде всего в результате развала ее армии. Причем происходило это на пике военной мощи, а не в результате военных поражений. Это уникальный исторический феномен. Армии других государств тоже распадались, однако этот распад (за исключением, возможно, Югославии) был результатом их разгрома в войне.

Можно предположить, что в военном строительстве как царской России, так и Советского Союза имели место какие-то коренные ошибки. Это означает, что не поняв и не устранив их, нельзя создать армию новой России, которая бы исключала возможность повторения этого горького исторического опыта.

Совершенно очевидно, что никакая "оптимизация" (сокращение) вооруженных сил, выплата долгов армии, улучшение денежного содержания военнослужащих, решение их жилищных проблем, создание территориальных командований, переоснащение армии новейшим вооружением и другие рассматриваемые сегодня пути реформирования армии сами по себе не устраняют этой опасности.

Задача приложения – критически проанализировать существующие проекты военной реформы и предложить свои нетривиальные решения.

"Вестник МФИТ" рассылается главам администраций и законодательных собраний российских регионов, в комитеты Совета Федерации и Государственной Думы. Приложение по оборонным вопросам будет также направляться руководству исполнительных органов власти, руководителям важнейших банковских и финансово-промышленных структур.

ПАРАДОКСЫ РОССИЙСКОЙ ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ

Еще сравнительно недавно, менее десяти лет назад, и политики, и экономисты, и средства массовой информации СССР объясняли все беды нашего хозяйствования непомерным бременем милитаризации советской экономики.

В частности, 1988-1991 годы стали периодом настоящего ажиотажа в области оценки военных расходов СССР. Печать и телевидение были переполнены высказываниями сотен новоявленных экспертов, торопившихся дать свою количественную оценку реального, по их мнению, военного бремени советской экономики. Академики О.Богомолов и Ю.Рыжов оценивали советский военный бюджет в 200 млрд. рублей, профессор В.Белкин – в 300 млрд. рублей. И это при том, что в 1989 г. официальный военный бюджет СССР был утвержден в размере 20,2 млрд. рублей, что соответствовало 4,1% всех бюджетных расходов или примерно 2% ВВП.

Многие высшие государственные деятели также предпочли открититься от официальных бюджетных данных. Одним из первых это сделал Э.Шеварднадзе, заявивший в мае 1988 г., что военные расходы СССР составляют 19% от ВВП. Затем, в апреле 1990 г., М.Горбачев округлил эту цифру до 20%.

Однако наибольший интерес у экспертов по военным расходам вызвало заявление в конце 1991 г., еще до развала Советского Союза, вновь назначенного начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерала армии В.Лобова, заявившего, что военные расходы СССР составляют одну треть и даже более от ВВП. Данные генерала Лобова американские специалисты определили как соответствующие 260 млрд. рублей в ценах 1988 г., то есть свыше 300 млрд. долларов США по официальному обменному курсу того времени.

Не удивительно, что с избавлением от столь непомерного бремени военных расходов связывались все основные надежды населения и по-

литиков СССР, а затем и новой России на лучшую жизнь. Егор Гайдар писал в 1990 г. в журнале "Коммунист", где он тогда работал редактором отдела политической экономии и экономической политики: "Если оборонная нагрузка на экономику, выраженная как доля совокупных военных расходов в валовом национальном продукте, многократно превышает соответствующий показатель Японии, то бессмысленно закладывать в планы повторение японского экономического чуда. Конверсия оборонного сектора может стать важнейшим фактором сокращения расходов и роста доходов государства, насыщения рынка новыми поколениями потребительских товаров, катализатором структурной перестройки хозяйства. ... Речь не о сокращении темпа прироста военных расходов, а о серьезном снижении их абсолютной величины".

И действительно, оказавшись у власти, Е.Гайдар первым делом резко снизил военные расходы. Уже в 1992 г. объем закупок вооружения и военной техники был сразу срезан на 67%. В последующие годы обвальное сокращение бюджетных военных расходов продолжалось, в результате чего они, по различным оценкам, сократились по сравнению с 1990 г. минимум в десять раз.

По-видимому, такие оценки не являются преувеличением. Так, в бюджете на 1998 г. по статье "Национальная оборона" на строительство и содержание Вооруженных Сил РФ и военную программу Министерства по атомной энергии предусмотрено выделение 81,8 млрд. рублей или 2,88% от ВВП.

Однако вряд ли Министерство обороны получит и половину этой суммы. Об этом свидетельствуют следующие данные о поступлении средств на счета Минобороны за первые три месяца текущего года (в миллионах рублей):

СТАТЬИ РАСХОДОВ	ПОЛУЧЕНО ДЕНЕГ			
	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	ВСЕГО ЗА I КВАРТАЛ
1. Содержание ВС, в том числе:	3 033,5	3 078,5	2 774,1	8 886,1
- денежное довольствие и заработная плата	2204,9	2422,1	2083,0	6709,6
- продовольствие	487,6	361,5	325,2	1174,3
- вещевое имущество	52,5	53,1	51,9	157,5
- горючее	116,6	115,0	118,4	350,0
- ремонт вооружения и военной техники	55,3	40,0	70,7	166,0
- транспортные расходы	21,6	10,0	25,4	57,0
- связь	5,0	5,0	5,0	15,0
- боевая подготовка	-	-	-	-
- квартирно-эксплуатационные расходы	16,7	16,0	17,3	50,0
- медицинское обеспечение	6,6	-	7,4	14,0
- прочие расходы	66,7	55,8	69,8	192,3
2. Закупки вооружения и военной техники	200,0	100,0	150,0	450,0
3. Капстроительство	265,0	160,0	375,0	800,0
4. НИОКР	100,0	100,0	100,0	300,0
ВСЕГО	3 598,5	3 438,5	3 399,1	10 436,1

Если экстраполировать эти данные на весь 1998 г., то получится, что в текущем году на нужды Минобороны поступят 41,7 млрд. рублей, в том числе 26,8 млрд. рублей – на денежное довольствие военнослужа-

щих и денежное содержание гражданского персонала, 4,7 млрд. – на продовольственное обеспечение, 0,6 млрд. – на оплату вещевого иму-

щества, 3,2 млрд. – на строительство, 1,8 млрд. – на закупки вооружения и военной техники и 1,2 млрд. – на проведение НИОКР.

Если суммировать средства, полученные на денежное довольствие и содержание личного состава, на продовольственное обеспечение, оплату вещевого имущества, строительство (ассигнования по этой статье в последние годы направляются в основном на строительство жилья для военнослужащих), оплату жилищных и коммунальных услуг, а также на медицинское обслуживание, то получится, что на эти нужды, то есть на поддержание физического существования личного состава, уходит свыше 85% всех бюджетных средств, получаемых Минобороны.

В то же время расходы на содержание, эксплуатацию и текущий ремонт вооружения, военной техники и имущества составили менее 9% от полученных средств. Что касается боевой подготовки, то на нее денег вообще не поступало. Реально это означает, что армия теряет возможность заниматься боевой подготовкой, надеяться на получение нового вооружения взамен устаревающего и даже содержать в сохранности или ремонтировать имеющуюся у нее военную технику.

Фактически российские вооруженные силы при таком уровне финансирования обречены на превращение из боеспособной военной организации в иерархически построенную армию безработных, которую государство вынуждено содержать не для защиты своего суверенитета и территориальной целостности, а во избежание социальных и иных потрясений в случае их быстрого и полного роспуска.

Если исходить не из формально предусмотренных в бюджете ассигнований, а из реально полученных армией средств государственного бюджета, то получается, что доля военных расходов России не превышает 1,5% от ВВП, а их абсолютные размеры составляют менее 7 млрд. долларов.

Это означает, что по доле военного бюджета в ВВП Россия находится на уровне наименее милитаризованных стран мира, а по абсолютным размерам своих официальных военных расходов лишь немного опережает Швецию или Бельгию и уступает Нидерландам и Канаде.

И тем не менее, несмотря на столь внешне радикальную демилитаризацию, никакого заметного улучшения жизненного уровня основной части населения, как известно, не наступило. Более того, в глубочайшую депрессию впал и так называемый гражданский сектор российской экономики, особенно промышленность и сельское хозяйство.

В то же время считается аксиоматичным, что снижение военных расходов благотворно сказывается на экономике. Все экономисты сходятся в том, что хозяйственные успехи, например, Германии и Японии объясняются в большей мере более низким уровнем военных расходов по сравнению с большинством ведущих государств мира. В России же доля военного бюджета в ВВП упала ниже уровня Германии и приблизилась к показателям Японии, о которых так мечтал Е. Гайдар в 1990 г., а "русского экономического чуда" как не было, так и нет.

В чем же причина столь аномальной реакции российской экономики на обвальное сокращение военного бюджета? Почему Россия не получила своего "дивиденда мира", который получили США и другие страны от прекращения "холодной войны"? Ответить на этот вопрос невозможно, если не разобраться в особенностях функционирования на различных этапах развития СССР, а затем и России уникальной системы мобилизационной подготовки страны к войне. Эта система, созданная Сталиным в конце двадцатых - начале тридцатых годов оказалась настолько живучей, что ее влияние и сейчас сказывается на развитии российской экономики сильнее, чем пресловутая "невидимая рука рынка" Адама Смита.

Чтобы понять эту систему, следует вспомнить, что рожденный в результате первой мировой и гражданской войн Советский Союз был готов с первых дней своего существования платить любую цену за свою военную безопасность. Так как неизбежность будущей, и при этом длительной, войны с "капиталистическим окружением" не подвергалась сомнению, то не удивительно, что экономика СССР очень быстро стала экономикой тотальной подготовки к войне. Начавшаяся в конце 20-х годов индустриализация с самых первых шагов осуществлялась таким образом, чтобы вся промышленность, без разделения на гражданскую и военную, была в состоянии перейти к выпуску вооружения по единому мо-

биллизационному плану, тесно сопряженному с графиком мобилизационного развертывания Красной Армии.

Внешне, однако, Советский Союз отнюдь не выглядел сверхмилитаризованной страной. Это было связано с тем, что, в отличие от царской России, опиравшейся при оснащении своей армии преимущественно на специализированные государственные "казенные" заводы, не связанные технологически с находившейся в частной собственности гражданской промышленностью, советское руководство сделало ставку на оснащение Красной Армии таким вооружением (прежде всего авиацией и бронетанковой техникой), производство которого базировалось бы на использовании двойных (дуальных) технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции.

Были построены огромные, самые современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, а производимые на них тракторы и автомобили конструировались таким образом, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Равным образом химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство в случае необходимости взрывчатых и отравляющих веществ.

По подсчетам маршала М.Тухачевского, проведенным им в 1930 г., технологическая совместимость военной и гражданской техники позволяла в случае войны выпускать один самолет взамен трех автомобилей, один авиационный двигатель вместо двух автомобильных, один танк взамен двух тракторов и т.д. Учитывая, что по первому пятилетнему плану в 1933 г. предусматривался выпуск 350 тысяч автомобилей и 197 тысяч тракторов, СССР был способен, по мнению Тухачевского, производить на этой производственной базе 122,5 тысяч самолетов, 175 тысяч авиационных двигателей и около 100 тысяч танков в год.

И действительно, создав мощную и современную автотракторную промышленность, СССР, начиная с 1932 года и до второй половины 30-х годов (начала перевооружения Германии) производил больше танков и самолетов, чем остальные страны мира, вместе взятые. Мировое лидерство в выпуске военной техники маскирует, однако, тот факт, что основные усилия советского руководства в эти годы направлялись все

же не на развертывание военного производства и ускоренное перевооружение армии на новую технику, а на развитие базовых отраслей экономики (металлургия, топливная промышленность, электроэнергетика и т.д.) как основы развертывания военного производства в случае войны.

Архивные документы свидетельствуют, что, санкционировав начавшийся процесс перевооружения армии, Сталин и Политбюро решительно отклоняли неоднократные требования Тухачевского и ряда других военных приступить к безотлагательному созданию массовой армии (около 250 дивизий) с десятками тысяч танков и боевых самолетов. Вместо этого приоритет был отдан развитию базовых, то есть формально гражданских отраслей промышленности как основы мобилизационного развертывания массового военного производства в будущем. Сталин даже обозвал Тухачевского за его предложения "красным милитаристом".

Разумеется, Сталин был не против ускоренного перевооружения Красной Армии. Просто он лучше, чем военные, понимал, что для того, чтобы произвести и содержать затребованное Тухачевским количество военной техники, необходимо огромное количество металла, топлива и т.д. А для развития базовых отраслей промышленности требуется гораздо больше средств и времени, чем на строительство сборочных автомобильных, тракторных и авиационных заводов, оборудование которых можно было в то время без особого труда закупить в США, переживавших тяжелейшую экономическую депрессию.

На самом деле все развитие базовых отраслей осуществлялось под углом зрения прежде всего военной, и лишь затем экономической целесообразности. Так, было принято решение о развертывании второй промышленной и сырьевой базы на Урале и в Сибири, а также хозяйственном освоении Севера, хотя в силу инфраструктурной неразвитости этих регионов капиталовложения в европейской части страны были бы экономически много эффективнее. Теми же военными соображениями было продиктовано и решение о сокращении в течение второй пятилетки военно-промышленных мощностей в Ленинграде ввиду его уязвимости в случае войны.

Закупая за рубежом в огромных количествах промышленное оборудование для создания современной индустрии, советское руководство одновременно целеустремленно и решительно принимало меры по достижению максимальной самодостаточности военного производства в случае войны. С этой целью были построены гигантские машиностроительные (например, "Уралмаш") и станкостроительные заводы. Крупные закупки зарубежного оборудования продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны, однако их целью было не столько расширение текущего военного производства, сколько создание запасов уникального и дефицитного оборудования на случай войны.

Одновременно предпринимались огромные усилия по созданию независимой минерально-сырьевой базы. Это считалось особенно важной задачей ввиду того, что военная промышленность царской России в большой степени зависела от импорта многих материалов и металлов, особенно цветных. Строились комбинаты типа Норильского, закладывались плантации искусственного каучука и т.д.

Для обеспечения перехода от гражданского производства к военному была создана разветвленная и строго централизованная система мобилизационной подготовки экономики. На всех уровнях советской власти и во всех органах экономического управления, вплоть до уровня каждого отдельного предприятия, были созданы специальные мобилизационные структуры, в которых уже к маю 1932 г. было занято 45 тысяч человек. Сама система централизованного планирования и партийного контроля сверху до низу идеально соответствовала интеграции гражданской и военной промышленности и была прекрасной школой для руководства экономикой в условиях мобилизации. Повышению эффективности мобилизационной подготовки способствовали и регулярные учения по переводу экономики на военное положение.

Приоритет мобилизационной подготовки промышленности перед текущим военным производством стал во второй пятилетке ещё большим, чем в первой.

Так, по проекту пятилетнего плана производство боевых самолетов планировалось сократить с 3515 в 1933 г. до 2000 в 1937 г., танков соответственно с 4220 до 2800.

В то же время мобилизационные мощности по этим видам вооружения в соответствии с предложениями Госплана от июля-августа 1932 г. предусматривалось резко увеличить. Так, если мощности по выпуску танков планировались из расчета на выпуск, в случае мобилизации, 40400 танков в год в 1933 г. (включая 16000 танкеток), то в 1937г. они должны были возрасти до 90000 (включая 20000 танкеток). Мощности по боевым самолетам, по расчетам Госплана, должны были возрасти с 13100 в 1933 г. до 46300 в 1937г. Создание же чисто военных предприятий с резервированием мощностей на случай войны многие специалисты Госплана считали расточительным омертвлением капитала.

Именно созданная в 30-х годах система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы второй мировой войны. Многократное превосходство над противником в танках и боевых самолетах, которое имели советские войска в начальный период войны, не спасло Красную Армию от сокрушительных поражений, а почти вся накопленная Советским Союзом за предвоенные годы военная техника была потеряна в первые же месяцы войны. На захваченной немцами к ноябрю 1941 г. территории СССР до войны добывалось 63% угля, производилось 58% стали и 60% алюминия. Находившиеся на этой территории перед войной 303 боеприпасных завода были или полностью потеряны, или эвакуированы на Восток. Производство стали в СССР с июня по декабрь 1941 г. сократилось в 3,1 раза, проката цветных металлов в 430 раз. За этот же период страна потеряла 41% своей железнодорожной сети.

В 1943 г. СССР производил только 8,5 млн. тонн стали (по сравнению с 18,3 млн. тонн в 1940 г.), в то время как германская промышленность в этом году выплавляла более 35 млн. тонн (включая захваченные в Европе металлургические заводы).

И тем не менее, несмотря на колоссальный урон от немецкого вторжения, промышленность СССР смогла произвести намного больше вооружения, чем германская. Так, в 1941 г. СССР выпустил на 4 тысячи, а в 1942 г. на 10 тыс. самолетов больше, чем Германия. В 1941 г. производство танков в СССР составило 6590 единиц против 3 256 в Германии, а в 1942 г. соответственно 24688 против 4098.

Не удивительно, что победа в Великой Отечественной войне не только укрепила уверенность советского руководства в том, что советская плановая экономика является наиболее эффективной системой мобилизации ресурсов государства и общества на случай войны, но и в том, что высокая мобилизационная готовность страны важнее общих размеров её экономики.

После второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде. Многие военные предприятия вернулись к выпуску гражданской продукции, однако экономика в целом по-прежнему оставалась нацеленной на подготовку к войне.

При этом, как и в 30-е годы, основные усилия направлялись на развитие общеэкономической базы военных приготовлений. Об этом свидетельствовала знаменитая в свое время речь Сталина перед собранием избирателей 9 февраля 1946 года, на многие годы определившая развитие советской экономики. В ней он сказал: "Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей".

Ясно, что такое количество стали, нефти и угля Сталину было нужно не для мирного соревнования с капитализмом. Просто по опыту минувшей войны он знал, что производство оружия лимитируется прежде всего наличием сырья, топлива и металла. Сталин был, очевидно, уверен, что если СССР смог превзойти в производстве вооружений Германию, опирающуюся на промышленность всей континентальной Европы, имея на всё про всё 8 миллионов тонн стали в год, то при ежегодной выплавке 60 миллионов тонн стали СССР сможет справиться в случае нужды со всем миром.

Естественно, что сокращавшееся после войны производство вооружений не могло поглотить быстро растущее производство сырья, металла, топлива и электроэнергии. Это позволяло правительству при жестко регулируемой заработной плате не только практически бесплат-

но снабжать население теплом, газом, электричеством, взимать чисто символическую плату на всех видах городского транспорта, но и регулярно, начиная с 1947 г. и вплоть до 1953 г., снижать цены на потребительские товары и реально повышать жизненный уровень населения. Фактически Сталин вел дело к постепенному бесплатному распределению продуктов и товаров первой необходимости, исключая одновременно расточительное потребление в обществе.

Такая уникальная система "пушек и масла" позволяла в случае необходимости без особых дополнительных организационных мероприятий и затрат переключать это "избыточное" в условиях войны потребление и связанное с ним гражданское производство на нужды войны.

Совершенно очевидно, что капитализм с его рыночной экономикой не мог, не отказываясь от своей сущности, создать и поддерживать в мирное время подобную систему мобилизационной готовности.

Правда, США после второй мировой войны пытались какое-то время соперничать с СССР в области создания и поддержания мобилизационных мощностей в промышленности на случай войны. Часть предприятий, особенно в боеприпасной промышленности, были законсервированы и переведены в резерв, а многие другие после перехода на выпуск гражданской продукции сохранили мобилизационные задания на случай войны. Были созданы также огромные запасы стратегического сырья и материалов, рассчитанные на удовлетворение потребностей мобилизационного развертывания промышленности в случае длительной войны. Более того, после начала в 1950 г. войны в Корее, которую США рассматривали как пролог к третьей мировой войне, было построено много новых государственных военных заводов, включая четыре танковых общей мощностью в 30 – 35 тыс. танков в год. Почти все они, после окончания корейской войны, были переведены в резерв. В 1955 г. Министерству обороны США принадлежало 288 резервных предприятий, включая 52 завода по производству взрывчатых веществ и порохов, 49 – по выпуску вооружения для сухопутных войск, 47 авиационных, 48 судостроительных и 11 военно-химических.

Однако уже с начала 60-х годов США начали все решительнее и все более ускоряющимися темпами свертывать мобилизационные мощ-

ности своей промышленности. Одной из причин этого было появление у Советского Союза большого количества ядерного оружия и средств его доставки на американский континент, что давало СССР возможность в случае необходимости сорвать мобилизационное развертывание американской экономики путем нанесения массированного ядерного удара. Однако главная причина была в другом. Она заключалась в резком усложнении военной техники и связанном с этим усилением специализации военного производства.

Если в период первой и в значительной мере второй мировой войн гражданское и военное производство отличались относительной близостью технологий, оборудования и профессионального мастерства рабочей силы, то после второй мировой войны военная промышленность превратилась в высокоспециализированную сферу производства, четко обособленную от гражданских отраслей промышленности. Так, если во время первой мировой войны в США 80% военной продукции выпускалось на обычных предприятиях гражданской промышленности (металлургических, машиностроительных и химических заводах), то к 1941г. доля гражданской промышленности в выпуске военной техники упала до 50%, а к 1963г. – до 10%. Все остальное вооружение стало производиться на специализированных заводах так называемой "кадровой" военной промышленности. А это неизбежно приводило к обособлению военного производства от остальной экономики.

Примером высокой степени специализации военной промышленности может служить производство высокоточного оружия. В 1985 г. Комитетом начальников штабов вооруженных сил США было проведено обследование производственной базы 20 серийных образцов высокоточного оружия (зенитных управляемых ракет "Пэтриот", крылатых ракет "Гарпун" и "Томахок", противотанковых ракет "Тоу" и "Хэллфайр", ракет класса "воздух-воздух" "Сайдуиндер", "Мэйверик" и др.). Было установлено, что на сборочных заводах, выпускающих эти образцы оружия, доля продукции, закупаемой Министерством обороны США, составляла 94% от общего объема производства этих заводов. Остальные 6% продукции пришлось на долю закупок частных фирм и экспортные поставки, среди которых также преобладала военная продукция. Несмотря на то, что эти заводы входили в состав крупных, широко диверсифицирован-

ных фирм со значительным объемом гражданской продукции, военное производство в этих фирмах на уровне заводов было полностью обособлено от гражданского. Такое обособление было обусловлено коренными различиями в условиях их работы (режим секретности, порядок финансирования, материально-техническое обеспечение, технологические процессы и оборудование).

Особенно бурное развитие после второй мировой войны получила поузловая и поддетальная специализация, при которой готовая система оружия собирается на головном предприятии из деталей и узлов, поставляемых субподрядчиками. Одно только радиоэлектронное оборудование ракет и боевых самолетов имеет десятки тысяч компонентов. Даже сравнительно простой по конструкции 155 мм артиллерийский высокоточный снаряд "Копперхэд" насчитывает 1200 деталей.

Изготовление современных систем оружия требует формирования сложных многоуровневых систем производственных связей. Поставки материалов, заготовок, деталей, узлов и агрегатов осуществляют тысячи и даже десятки тысяч различных предприятий. В выпуске современных танков, например, принимают участие более 6 тысяч заводов. Компоненты для межконтинентальной баллистической ракеты "Минитмэн" поставляли 40 тысяч субподрядчиков.

К тому же в производстве вооружения используется большое количество компонентов и заготовок, не имеющих аналогов в гражданском секторе и требующих для своего изготовления специального, зачастую уникального оборудования и оснастки.

В 1985 г. из 414 субподрядчиков первого уровня, участвовавших в выпуске упомянутых выше 20 образцов высокоточного оружия, 112 были единственными в США предприятиями, способными поставлять необходимые компоненты.

Нетрудно понять, что сбои или узкие места в производстве, практически неизбежные при столь разветвленной кооперации, вызывают тряску во всей кооперационной сети.

В качестве наглядного примера лимитирующего влияния поузловой и поддетальной специализации на возможности сборочных предприятий

военной промышленности может служить ситуация, сложившаяся в начале и середине 70-х годов в бронетанковой промышленности США.

На протяжении 20 лет, с 1959 по 1979 год, выпуском танков в США занимался один единственный сборочный танковый завод в Детройте. Выпуск танков на этом заводе упал в 1965-1971 годах до уровня 200-300 танков в год, а в 1972 финансовом году Пентагон закупил всего 118 танков.

Естественно, что столь низкий уровень выпуска танков, едва обеспечивавший непрерывность производственного цикла на данном заводе, подорвал привлекательность военного бизнеса для многих поставщиков танковых узлов и компонентов и привел к сильной эрозии субподрядной базы танковой промышленности. В результате к 1974 г. в США остался всего один завод крупного броневого литья, способный даже при трехсменной рабочей неделе без выходных выпускать немногим более 500 комплектов танковых корпусов и башен в год.

В результате, когда после арабо-израильской войны 1973 г. США решили в срочном порядке увеличить выпуск танков для восполнения тяжелых израильских потерь в танках, им потребовались целых четыре года для простого удвоения выпуска танков несмотря на неограниченные финансовые ресурсы, специально выделенные на эти цели Конгрессом США.

Американцы, конечно, отдавали себе отчет в невозможности поддерживать мобилизационную готовность и тем более резервные мощности во всех звеньях кооперационной цепи по производству той или иной сложной системы оружия.

Заместитель министра обороны США по вопросам резервов и тыла Лоуренс Корб писал в 1983 г.:

"Программа производства истребителя F-15, например, охватывает около 300 крупных субподрядчиков *только первого уровня*, а общее число участвующих в производстве истребителя фирм исчисляется тысячами. Хотя возможности министерства обороны по контролю и инспекции головных подрядчиков и в меньшей степени субподрядчиков первого уровня значительны, отслеживание всех фирм более низких субподрядных уровней, за-

нятых производством многих тысяч компонентов, представляет собой такую гигантскую задачу по обработке информации, масштабы которой поистине необъятны. Вряд ли будет преувеличением утверждать, что задачи планирования, которые легли бы на плечи министерства обороны при попытке "управлять" таким процессом, по своему объему не уступали бы тем, которые потребовались для высадки человека на Луну. Более того, во многих отношениях мобилизационное планирование в современном мире новейших технологий представляет собой более сложную задачу, чем эта космическая программа.

Хотя мы сегодня и располагаем некоторыми возможностями по наращиванию нашего производства авиационной техники, эти возможности имеются лишь в силу того, что мы, ввиду финансовых ограничений, производим несколько типов самолетов более низкими темпами, чем те, на которые были рассчитаны производственные мощности при принятии программ выпуска этих самолетов.

Вследствие этого всякие излишки мощностей и связанная с ними возможность наращивания производства являются в основном нежелательной случайностью, а отнюдь не результатом какого-то рационального, продуманного плана."

Другой причиной, побудившей США отказаться от содержания мобилизационных мощностей по большинству средств вооруженной борьбы (исключением является боеприпасная промышленность и промышленность артиллерийского вооружения, в которых сохранены ранее созданные мобилизационные мощности на случай войны), стали длительные технологические сроки изготовления современного вооружения. Это связано с тем, что для изготовления каждого образца вооружения требуется вполне определенное время, ранее которого образец физически не может быть изготовлен. И время это многократно возросло по сравнению с периодом второй мировой войны, когда суда типа "Либерти" строились в течение нескольких недель, и ни одна из систем оружия не требовала на свое создание больше одного года. Сейчас технологическое время изготовления истребителя F-15 составляет 3 года, танка "Абрамс" – 22 месяца.

Это связано прежде всего с возросшей сложностью современного вооружения. Усложнился сам производственный процесс, возросли требования к квалификации рабочей силы, удлинились сроки изготовления узлов и деталей, ужесточились допуски при обработке материалов, намного сложнее стали конструктивные схемы вооружения.

Технологически обособленный и относительно малосерийный характер производства традиционного вооружения (танки, самолеты, артиллерия, боевые корабли) предрасполагает к сохранению на военных заводах трудоемких производственных процессов и устаревшего оборудования. Журнал американских деловых кругов "Форчун" констатировал в апрельском номере за 1984 год:

"Хотя современные самолеты относятся к числу наиболее сложных высокотехнических изделий, их делают главным образом с применением малопроизводительного традиционного оборудования высокооплачиваемые рабочие высшей квалификации. Результат: производительность эры железных дорог и невероятно растянутые сроки производственного цикла."

Таким образом, где-то на рубеже 70-х и 80-х годов США практически полностью отказались от поддержания и финансирования мобилизационных мощностей в своей военной промышленности, и от всего, что с этим связано (запасов сырья, материалов, оборудования и т.п.). Это, однако, не означало недооценку ими важности мобилизационной подготовки экономики как таковой. Наоборот. Именно в это время США приступили к созданию принципиально новой системы мобилизации экономики на случай длительной безъядерной войны с СССР, курс на подготовку к которой они провозгласили в качестве официальной государственной политики в начале 80-х годов. Однако здесь нет возможности подробно останавливаться на этом вопросе. Отметим только, что новая американская система мобилизационной подготовки предполагала решительную деспециализацию военной промышленности и ее интеграцию с гражданским сектором экономики как основной базой мобилизационного развертывания на случай войны. Можно также добавить, что эта новая система не сулила СССР ничего хорошего в случае, если бы дело дошло до третьей мировой войны. Ибо к 80-м годам советская мо-

билизационная система не только безнадежно устарела, но и основательно подорвала как экономику, так и обороноспособность страны в целом.

Военно-технический прогресс и усложнение военной техники, естественно, привели к возникновению специализированной военной промышленности и в СССР, и при этом даже ранее, чем в США. Такая техника, как танк Т-34 и новое поколение боевых самолетов, к созданию которой СССР приступил во второй половине 30-х годов, уже не могла собираться из автомобильных и тракторных деталей.

Начался процесс постепенного технологического и организационного обособления военного производства от остальной экономики. Уже в 1936 г. из Наркомата тяжелой промышленности, отвечавшего до этого как за военное, так и за гражданское производство, был выделен Наркомат оборонной промышленности, на который среди других задач было возложено руководство мобилизационной подготовкой всей промышленности. В 1939 г. Наркомат оборонной промышленности был разделен в свою очередь на Наркомат авиационной промышленности, Наркомат судостроительной промышленности, Наркомат вооружения и Наркомат боеприпасов, в каждом из которых были созданы военно-мобилизационные отделы.

31 января 1938 г. была образована Военно-промышленная комиссия (ВПК) при Совнаркоме СССР, которая стала органом непосредственного руководства сначала Наркоматом оборонной промышленности, а затем и созданными на его основе специализированными наркоматами. Именно ВПК стала впоследствии, по большому счету несправедливо, персонифицированным выражением всего военно-промышленного комплекса СССР и символом милитаризации советской экономики.

После второй мировой войны появление ракетно-ядерного оружия, реактивной авиации и другой сложной военной техники потребовало невиданной ранее специализации военного производства. В этой области СССР быстро обогнал все западные страны, включая США. Апофеозом военно-научной и военно-производственной специализации стали невиданные на Западе "закрытые города", вся деятельность кото-

рых была связана с тем или иным обособленным направлением развития вооружения или его отдельных образцов.

Однако, в отличие от США, рост специализации военного производства никак не отразился на системе мобилизационной подготовки советской экономики. Просто стоящие перед ней задачи стали намного шире. Новые системы оружия требовали для своего производства уже не просто стали, нефти или алюминия, а совершенно новых, не использовавшихся ранее материалов, редкоземельных элементов, приборов и оборудования. Естественно, что задания на их производство ставились не только в целях удовлетворения потребностей текущего производства вооружения, но и с учетом создания мобилизационных мощностей на случай новой мировой войны.

Создавались мобилизационные мощности даже по производству межконтинентальных баллистических ракет, стратегических бомбардировщиков и атомных подводных лодок, чего американцы не делали никогда, считая эти виды вооружения малопригодными для мобилизационного развертывания ввиду чрезвычайно длительных сроков их производства.

Быстрые темпы военно-технического прогресса и появление все новых поколений вооружения делали мобилизационное планирование гораздо более сложным и менее прозрачным, чем ранее. Для своих расчетов мобилизационных мощностей Госплан СССР еще в 20-е годы (кстати, впервые в мире) стал использовать так называемые межотраслевые балансы (МОБ) народного хозяйства. Для их наполнения требовались многочисленные статистические данные, в основном на ежегодной и пятилетней основе. Однако коэффициенты МОБ отличаются большой инерционностью и с большим запозданием учитывают изменения в технологии производства. Обычно используемые коэффициенты имеют "возраст" не менее 10-15 лет, что чрезвычайно затрудняет определение мобилизационных потребностей в вооружении, для производства которого используются новейшие военные технологии. В результате советские мобпланы начали утрачивать свою обоснованность и реальность, и во все большей мере подгоняться под взгляды военной и политической верхушки.

Однако окончательно систему мобилизационной подготовки экономики подорвали и довели в конце концов до окончательного краха (вместе со всей экономикой) непомерные требования Минобороны и Генштаба в отношении увеличения мобилизационных мощностей по производству традиционного вооружения (танков, самолетов, вертолетов, артиллерии, боеприпасов).

Основанием для подобных требований служило якобы непрерывное увеличение мобилизационных мощностей по этим видам вооружения в странах Запада. Так, в 1975 г. советский Генштаб утверждал, что производственная база только кадровой (то есть созданной исключительно для производства вооружения) военной промышленности США состоит из девяти танковых заводов, из которых три суммарной мощностью 27 тысяч танков в год являются действующими и еще шесть мощностью 29 тысяч танков находятся в резерве. Мощности же всей американской экономики (с привлечением к выпуску танков по мобилизационному плану заранее подобранных предприятий гражданской промышленности) оценивались Генштабом в середине 70-х годов в 70 тысяч танков в год (50 тысяч основных боевых танков и 20 тысяч легких). При этом Генштаб утверждал, что вся американская промышленность находится в высочайшей степени готовности к развертыванию массового производства вооружений, а ядро основных отраслей военной промышленности способно освоить свои мобилизационные мощности через 90 суток после начала мобилизации.

Как показано выше, в это время в США имелся один единственный действующий танковый завод, способный выпускать не более 500 танков в год. Таким образом, реальные возможности кадровой военной промышленности США Генштаб завышал в сто раз, то есть на два порядка.

Аналогично (в десятки раз и более) в документах Генштаба завышались мобилизационные возможности США и по производству других видов вооружения. Госплан и подчиненные ему моборганы в промышленности, естественно, брали все эти цифры на веру и как основание для "выбивания" дополнительных ресурсов на мобподготовку. Так, по данным Миноборонпрома, который в советские времена был всего лишь

одним из девяти отраслевых министерств ВПК и занимался выпуском боеприпасов, в 1990 г. боеприпасная промышленность США насчитывала 98 государственных заводов по выпуску боеприпасов (38 из них в резерве, но в готовности возобновить производство в течение одного месяца) и 540 частных боеприпасных заводов.

Эти боеприпасные заводы, как доказывал Миноборонпром, были в состоянии произвести авиационных бомб в 13 раз, неуправляемых ракет – в 17 раз, снарядов для танков и полевой артиллерии – в 5,3 раза больше, чем промышленность боеприпасов СССР.

На самом деле уже к середине 80-х годов в США оставалось вообще (то есть во всей военной промышленности) лишь 86 государственных военных заводов (сейчас их число много меньше), в том числе всего 12 резервных, из них 6 боеприпасных, 4 по производству взрывчатых веществ и порохов и 2 военно-химических.

Даже в разгар горбачевской "гласности" в начале 90-х годов, выявившей огромное превосходство СССР в танках над странами НАТО, советские военные продолжали объяснять необходимость такого превосходства по производству бронетанковой техники наличием у Запада огромных мобилизационных возможностей по выпуску танков. Так, начальник Бронетанковой академии Советской Армии генерал-полковник В.Гордиенко утверждал в "Красной звезде" от 18 апреля 1991 года, что США в состоянии выйти в течение всего 6 месяцев после начала мобилизации на уровень производства 50 тысяч танков в год, а страны Западной Европы – добавить к этой цифре за такое же время еще 25 тысяч танков.

Нетрудно догадаться, что эти и подобные им цифры Генштаб использовал для того, чтобы подстегнуть экономику СССР к соответствующему наращиванию собственных мобилизационных усилий.

Возникла абсурдная ситуация. Советская экономика давно уже перевыполнила задание Сталина по производству стали, угля и нефти, которые он поставил в 1946 г. с тем, чтобы оградить СССР "от всяких случайностей". И тем не менее экономика испытывала дефицит во всех этих материалах и стремилась произвести их как можно больше. В то

же самое время колхозные поля на территории всей страны были усыпаны многими миллионами тонн металлолома от сломанных тракторов, в то время как заводы все более ускоренными темпами увеличивали их производство. Промышленное оборудование и машины из года в год становились все более металлоемкими. Водители грузовых автомобилей сливали в канавы миллионы тонн горючего только для того, чтобы, избавившись от него, доказать, что они выполнили план по километражу и тем самым заработать несколько дополнительных рублей (их зарплата зависела от достигнутого километража, а последний должен был соответствовать количеству затраченного горючего). Вдоль железных дорог громоздились горы гибнущих под дождем удобрений, в то время как производительность сельского хозяйства непрерывно падала. Этот парадокс можно легко понять, если учитывать, что фабрики по производству удобрений строились и поддерживались в действующем состоянии в первую очередь в качестве резервной базы для боеприпасной промышленности. В отчаянии от всего этого многие экономисты приходили к выводу, что расточительство представляет собой неотъемлемую черту всякого централизованного планирования, и единственным способом избавления от этого безумия являются либерализация цен и предоставление свободы для рыночной стихии.

При этом они не учитывали, что во время второй мировой войны советская промышленность действовала вполне эффективно и, возможно, даже менее расточительно, чем, к примеру, германская.

Причины невероятной затратности советской экономики становятся много понятнее, если принять во внимание мобилизационную систему СССР.

Хотя подлинные масштабы советских мобилизационных приготовлений к будущей войне до сих пор остаются тщательно охраняемой тайной, можно смело предположить, что они были близки к советским представлениям о приготовлениях США, с которыми Советский Союз стремился достичь паритета по всему диапазону военных усилий. Если взять оценки советским Генштабом американских мобилизационных возможностей за базу для расчетов, то, используя таблицы межотраслевого баланса, можно приблизительно оценить то количество металла,

нефти, каучука и других материалов, которые Генштаб считал необходимыми для производства всего вооружения, которое было предусмотрено мобилизационными планами Генштаба.

Получаемые при этом гигантские цифры поражают воображение. И они объясняют многое из того, что происходило в советской экономике.

Во-первых, становится ясным, что оборонная промышленность выпускала в мирное время большое количество вооружения и военной техники просто для поддержания "теплой" производственной базы, позволявшей быстрее выйти на полную мощность в случае мобилизации.

Во-вторых, они объясняют подлинные причины постоянного роста гражданской продукции внутри оборонной промышленности. Удовлетворение потребительских нужд населения никогда не было решающим мотивом создания и развития гражданского сектора в рамках ВПК. Его существование объяснялось двумя основными целями: с одной стороны, он должен был служить готовым к немедленному использованию резервуаром дополнительной рабочей силы, оборудования и производственных площадей для ускорения мобилизации в случае войны, а с другой стороны, он предназначался для субсидирования за счет своих прибылей производства вооружения и искусственного занижения стоимости военной продукции. Именно в этом кроется одна из причин мнимой дешевизны советского оружия.

В дефицитной советской экономике никого не беспокоили низкое качество и убогий внешний вид гражданских изделий, выпускавшихся оборонными предприятиями. Потребителю приходилось их покупать за неимением чего-либо лучшего. Естественно, что ВПК ревниво оберегал свою монополию на производство товаров длительного пользования (телевизоров, радиоприемников, холодильников, стиральных машин и т.д.), оправдывая свой монополизм необходимостью поддержания мобилизационной базы.

В-третьих, в интересах поддержания мобилизационной готовности многие предприятия были вынуждены поддерживать более высокий по сравнению с потребностями мирного времени уровень производства по причинам технологического порядка, ибо многие производства (выплав-

ка алюминия, производство кокса) требуют обеспечения непрерывного производственного цикла.

Наглядным примером служит алюминиевая промышленность. В настоящее время Россия выплавляет 3 миллиона тонн алюминия в год, в то время как внутреннее потребление не превышает 200-300 тысяч тонн в год. Весь остальной алюминий идет на экспорт. СССР производил 4 миллиона тонн алюминия, выделяя на экспорт лишь незначительную часть этого количества. Некоторая часть выплавляемого алюминия использовалась в военном производстве, однако основная его масса шла на производство низкокачественных изделий или просто в металлолом. Объяснялось это расточительством необходимостью поддержания алюминиевой промышленности в состоянии постоянной готовности для удовлетворения огромного скачка в использовании алюминия в военных целях в случае мобилизации.

По той же самой причине в СССР в излишнем количестве производились сталь, титан и другие металлы, станки и даже транспортные средства.

В течение многих лет грузовой автомобиль был основным средством транспорта на российских дорогах только потому, что армии были нужны грузовики, а не легковые автомобили. Однако армия не могла себе позволить по финансовым соображениям содержание на своих базах всех грузовиков, которые ей понадобятся в случае мобилизации. Поэтому многие грузовики, предназначавшиеся по сути дела для армии, направлялись в различные сектора экономики. При этом каждый из грузовиков получал мобилизационный регистрационный номер в местной военной администрации. Это означало, что при объявлении войны грузовик перейдет в распоряжение армии. В результате возникло много транспортных предприятий, вынужденных содержать ненужные им военные грузовики на случай мобилизации.

В свою очередь автомобильные заводы были вынуждены поддерживать огромные резервные производственные мощности. Например, на балансе завода "ЗИЛ" находится литейный завод-филиал в Ярцево (Смоленская область), рассчитанный на выпуск полумиллиона тонн ав-

томобильного литья, который в настоящее время используется только на один процент своей мощности.

Весьма сомнительно, что в последние десятилетия советское руководство понимало, что происходит в экономике и во сколько обходится поддержание высокого уровня мобилизационной готовности. Вполне очевидно, что оно отдавало себе отчет в том, что отсутствие развитого потребительского сектора вследствие хронической нехватки ресурсов на гражданские нужды имело негативные последствия для населения и сдерживало экономическое развитие. Поэтому время от времени разрабатывались амбициозные проекты удовлетворения потребностей гражданского населения (в сельском хозяйстве, жилищном строительстве, выпуске потребительских товаров и т. д.), на которые выделялись огромные финансовые средства (в 1989 г. субсидии сельскому хозяйству составили 90 миллиардов рублей, намного больше, чем официальные расходы на оборону).

Однако в реальной действительности громогласно объявляемые смены приоритетов развития (от группы "А" к группе "Б", если использовать лексику Госплана) в пользу потребительских товаров и услуг сводились к перераспределению "дутых" инвестиционных рублей, а не материальных и людских ресурсов. Другими словами, эти большие финансовые потоки подкреплялись относительно низкокачественными материальными ресурсами.

Подобные новые цели устанавливались без отказа от старых (поддержание мобилизационных мощностей, разработка новых вооружений на базе высоких технологий, массовое производство нового, все более сложного вооружения). Они не отменяли принятую практику распределения ресурсов и не ликвидировали существующую систему приоритетов. А это означало, что в реальной жизни вся система управления экономикой, как и прежде, ориентировалась на воспроизводство этих самых приоритетов.

Более того, эти неуклюжие попытки повышения жизненного уровня населения приводили к ухудшению общей ситуации в стране, так как они вели к дополнительным неэффективным затратам материальных и людских ресурсов. Их следствием также был огромный рост незавер-

шенных строительных объектов, число которых в последние годы существования СССР исчислялось сотнями тысяч. Таким образом, каждый новый год вел к росту дефицитов и связанной с ними скрытой инфляции.

Как и прежде, оборонный сектор сохранял приоритетный доступ ко всем качественным видам ресурсов — квалифицированной рабочей силе, лучшим ученым, новейшим технологиям, гарантированным поставкам других ресурсов по субсидированным ценам.

Исследования, проведенные Институтом народнохозяйственного прогнозирования Академии наук СССР в конце 80-х годов, свидетельствуют, что если бы вся продукция советского машиностроения была оценена по мировым рыночным ценам, то оказалось бы, что доля вооружения составила бы более 60 процентов этой продукции, а доля товаров народного потребления не превысила 5 процентов.

Эти цифры показывают, что уровень милитаризации советского машиностроения был феноменально высоким.

Однако, к сожалению, эти выводы Института народнохозяйственного прогнозирования были или проигнорированы большинством официальных лиц и экономистов, или некритически цитировались как доказательство того, что машиностроение расходовало на военное производство 60 процентов физических ресурсов (то есть металла, энергии, рабочей силы, производственного оборудования и т.д.).

Совершенно ясно, что высокий уровень милитаризации машиностроительной промышленности объяснялся в первую очередь чрезвычайно низкой производительностью гражданского сектора этой отрасли. Это явилось следствием того, что в течение более чем полувека все лучшие технологии, материальные и людские ресурсы направлялись именно в военные и связанные с ними отрасли, в то время как гражданские производство и инфраструктура обрекались на частичную или полную неэффективность. Отсталость гражданского сектора была прямо пропорциональна тем ресурсам, которые отрывались от него в пользу производства военного. Такая экономика может обменивать свои продукты только на принудительной или некоммерческой основе через

прямое распределение ресурсов по искусственно установленным ценам. Другими словами, подобная экономика может функционировать только в том случае, если она отвергает законы рыночной системы. Если такую экономику внезапно перевести на цены, соответствующие мировым, то вся система технологических связей внутри экономики неизбежно в конечном итоге рухнет. И это как раз то, что произошло в России в течение истекших семи лет.

Подобное искажение экономики, когда она не реагирует на такие монетаристские меры, как сокращение военных закупок, и не допускает перелива ресурсов из военного производства в гражданский сектор экономики, представляет собой структурную милитаризацию в отличие от обычной милитаризации, которая может быть измерена долей военных расходов и военного производства в национальном бюджете, ВВП и т.д. В структурно милитаризованной экономике можно вообще прекратить всякие закупки вооружения, и тем не менее столь решительный шаг не приведет к автоматическому или с помощью "невидимой руки рынка" росту эффективности гражданского сектора или иным заметным переменам к лучшему в экономике. Более того, экономическая ситуация в такой стране может даже ухудшиться.

Объясняется этот парадокс тем фактом, что в структурно милитаризованной экономике основное расточительство ресурсов происходит не в оборонном секторе, а в гражданской экономике. По официальным данным на самом пике своего развития в конце 80-х годов в оборонной промышленности СССР было занято 9,5 млн. человек из 130 млн. занятых в советской экономике. Она потребляла 20 процентов листовой стали, 9,3 процентов стального проката, 23,6 процентов алюминия и менее 3 процентов лесоматериалов, использовавшихся всей советской промышленностью. Основные фонды военной промышленности оценивались в 111 млрд. рублей, то есть 12,6 процентов всех основных фондов в советской промышленности. Еще меньшей была доля оборонной промышленности в масштабах советской экономики в целом, где она составляла лишь 6,4 процентов всех основных фондов и 5,6 процентов листовой стали.

В то же время ввиду крайней запущенности гражданской экономики даже простое поддержание, не говоря уже о модернизации, гражданского сектора требовали несравненно большего количества первичных ре-

сурсов: сырья, энергии, строительных мощностей. Для того чтобы сохранить свое убогое сельское хозяйство, Советский Союз был вынужден производить в 6-7 раз больше тракторов и в несколько раз больше удобрений, чем США. Если верить М.Малею, занимавшему в первые годы президентства Б.Ельцина пост его советника по вопросам оборонной конверсии, только один металлургический комплекс потреблял больше ресурсов, чем военная промышленность с ее 6 миллионами рабочих и служащих. Первый вице-премьер Б.Немцов утверждает, что производительность труда в российском жилищном и коммунальном секторе в 10-15 раз ниже, чем в Швеции, стране со сходными климатическими условиями.

Экономика подобного типа совершенно неизвестна на Западе, где сокращение оборонных расходов рано или поздно приводит к переливу ресурсов из военного в гражданский сектор. Проводящие конверсию западные страны находятся в более выгодном положении, так как они могут опереться в процессе конверсии на функционирующие рынки капитала и устоявшуюся систему рыночных цен. Они также располагают многочисленными специалистами для оказания различных посреднических услуг и т.д. Люди имеют возможность сменить место работы и проживания, приобрести новую специальность. Рынок позволяет без особого труда продать с аукциона новым владельцам здания и оборудование бывших оборонных предприятий, а также землю, на которой они находятся. Таким образом, оборонная конверсия на Западе носит диффузный характер. Падение спроса в одном месте в конечном итоге компенсируется его ростом в каком-то другом.

К сожалению, трудности демонтажа структурно милитаризованной экономики были проигнорированы российскими реформаторами.

Их наиболее очевидной ошибкой стала твердая убежденность в способности денег сыграть решающую роль в перестройке российской экономики и вера в возможность управления экономикой с помощью одной только бюджетной и кредитной политики. Действительно, соблазнительно использовать финансовые индикаторы для подведения итогов экономического развития и формулирования его перспектив вместо того, чтобы разбираться в сложных деталях и проблемах технологических и структурных дисбалансов между гражданским и военным секторами экономики. Более того, практика использования финансовых индикаторов в качестве ориентиров экономической политики принята во всем

мире и не слишком сложна в интеллектуальном и административном отношении ввиду наличия большого числа готовых и проверенных на практике рецептов.

Однако одной из самых больших ошибок реформаторов стала неспособность понять и устранить основное препятствие на пути ликвидации структурных дисбалансов в российской экономике — советской системы мобилизационной подготовки, унаследованной новой Россией от СССР.

Это видно хотя бы из того, что, разогнав Военно-промышленную комиссию (ВПК) при правительстве и отдел военной промышленности ЦК КПСС, новые российские власти в полном объеме сохранили все мобилизационные структуры Госплана и их кадры, просто переведя их в состав Минэкономики. Были сохранены также большинство мобилизационных подразделений на предприятиях и в отраслевых органах управления.

Так как ни у президента, ни у правительства, ни у законодателей не доходили руки до такой, на их взгляд, "мелочи", как мобилизационная подготовка, практически все связанные с ней вопросы были отданы на откуп старым госплановским "зубрам".

Не удивительно, что лишь на заседании Совета обороны в ноябре 1997 г. выяснилось, что до сих пор основным руководящим документом по мобилизационной подготовке экономики остается разработанный в 1986 г. советский мобплан, в котором, в частности, заложены поставки вооружения в так называемый "расчетный год" (то есть год после начала мобилизации) армиям давно усопшего Варшавского Договора. А этот мобплан, как заявил после заседания В.Черномырдин, затрагивал 100% предприятий и организаций. Совершенно очевидно, что в условиях нынешнего скудного финансирования мобподготовки экономики (в 1998 г. на нее выделяется 0,8 млрд. рублей), вся тяжесть по поддержанию мобмощностей фактически ложится на плечи предприятий.

При этом нередко возникают совершенно нелепые ситуации. Так, по данным еженедельника "Московские новости", за последние два года промышленные предприятия Новосибирска получили 0,5% предусмотренных бюджетом средств на мобподготовку. И несмотря на это, на те-

кущий 1998 г. они получили вдвое большее мобзадание, чем в прошлом году.

Для того, чтобы внести хоть какой-то порядок в существующее положение дел с мобилизационной подготовкой экономики, можно было бы порекомендовать следующее.

В качестве первого шага следовало бы все предприятия по выпуску традиционного высокоспециализированного вооружения (танки, ракеты, боевые корабли, артиллерийско-стрелковое вооружение, боеприпасы и взрывчатые вещества) передать на полное бюджетное финансирование Минобороны в качестве казенных предприятий.

Решение о закрытии тех или иных специализированных военных предприятий или сокращении их мобилизационных мощностей также целесообразнее всего передать на усмотрение Минобороны. В условиях, когда содержание казенных военных заводов будет оплачиваться за счет военного бюджета (а не за счет бюджета Минэкономики, как сейчас), Минобороны само начнет избавляться от излишков мобилизационных мощностей и рабочей силы и сможет более активно использовать мощности предприятий в целях модернизации и ремонта военной техники, а также для производства для нее запасных частей.

Иной подход напрашивается в отношении предприятий наукоемких отраслей оборонной промышленности, способных к выпуску продукции двойного назначения (радиоэлектроника, авиакосмическая промышленность, производство средств информатики и связи и т.п.). Их было бы целесообразнее всего акционировать и приватизировать, а выпуск военной продукции и поддержание мобилизационных мощностей на них сделать полностью добровольным делом (как это имеет место, например, в США). Тем самым для этих предприятий изменится само понятие конверсии, и этот процесс станет в значительной мере излишним.

Что же касается создания новой, современной системы мобилизационной подготовки экономики, без которой России, конечно же, не обойтись, то заниматься этим бесполезно без проведения и вне рамок радикальной военной реформы.